63.3(2)7-24(2Р36)
Н 17

...шов

НАДЕЖДИНСК

1905

УРАЛКНИГА 19

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

63.3(2) 7-24 (2Р36)
Н17
9(с)173
П91

ИСТПАРТ УРАЛОБКОМА РКП (б.)

3

ПЕТР МУРАШЕВ

НАДЕЖДИНСК

(1905 ГОД В НАДЕЖДИНСКОМ ЗАВОДЕ)

ОЧЕРК

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ И ДОКУМЕНТАМ)

10738

БИБЛИОТЕКА
Свердловского института
народного хозяйства
УРАЛКНИГА

2007
100005

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК — 1926

Одобрено к печати Литературной п/комиссией Всесоюзной комиссии по подготовке и празднованию 20 летнего юбилея революции 1905 года.

100005

Научно-коммерческая библиотека Свердловского ...

2007

Государственная публичная ... им. В. ... г. Свердловск обменный фонд

Уралобллит № 5726. Тираж 3000 экз.

Свердловск, тип. „Гранит“ Акц. О-ва Уралкнига. Зак. № 967

1.

Надеждинский завод и его население.

Надеждинский завод находится в северной части Верхотурского уезда, в Богословском горном округе. До 1905 года от ближайшей железно-дорожной станции он был удален более, чем на 200 верст. Чтобы попасть в Надеждинский завод, нужно было ехать от станции Кушва (гора Благодать), Уральской железной дороги, до Богословского завода 200 верст на лошадях.

Богословский завод соединен с Надеждинским узкоколейкой (около 35 верст). Узкоколейка эта на своем пути пересекает станцию Турьинские Рудники, в 10 верстах от Богословского и в 25-ти верстах от Надеждинского завода. От этой станции до поселка Турьинские Рудники шоссе, версты 4-5. На протяжении всей узкоколейки, за исключением упомянутых рудников, нет никакого жилья и по бокам дороги сплошной стеной стоит лес.

Надеждинский завод построен в начале девяностых годов минувшего столетия, среди леса и болот, на речке Каква, по проекту инженера Ауэрбаха, человека с большим творческим размахом, энергичного и талантливого.

Многих приводило в недоумение, почему строитель завода избрал для него такое неблагоприятное местоположение: далеко от рудников, кругом лес,

жилья никакого. Пришлось строить не только завод, но и весь заводской поселок, т. е. дома для служащих и рабочих, а также и казармы для последних.

Но смысл постройки завода именно здесь, а не в другом каком-либо месте, был большой.

Кругом Надеждинского завода даровое топливо (лес, торфяники) почти в неограниченном количестве. В 8 верстах от завода судоходная река Сосьва с пристанью в селе Филькино, которая также соединена с заводом и рудниками узкоколейкой. Продукция заводов Богословского и Надеждинского, а также Сосьвинского, расположенного на реке Сосьве, по воде сплавлялась до Сибирской магистрали, откуда она уже могла двигаться на восток и на запад по железной дороге. Руда к заводу подвозилась с рудников по узкоколейке.

Значение водного пути в то время, когда еще не было железной дороги, соединившей позднее Надеждинский завод со станцией Кушва (Благодать) Уральской железной дороги, разумеется, было огромно.

Среди лесов и болот Надеждинский завод вырос поистине с американской быстротой.

Я приехал в Надеждинский завод ранней весной 1903 года в качестве мелкого земского служащего. В то время, т. е. через каких-нибудь 10 лет после его основания, на заводе было уже не менее 2.000 рабочих, при общем населении около 10.000 человек.

Оборудован был завод по последнему слову техники. Он вырабатывал, главным образом, рельсы, почему крестьяне называли его «Рельсовым».

Заводские корпуса были обнесены кругом досчатым забором. День и ночь громыхал и скрежетал завод, выбрасывая после смены сотни грязных и измученных людей и вбирая, взамен их, сотни других рабочих.

Интересное зрелище представлял завод с балкона заводской гостиницы в ночное время. Доменные печи горели голубоватым огнем, словно гигантские свечи. С жутким, режущим треском обрезывались рельсы, фонтаном летели от них во все стороны искры, словно золотые червонцы.

Дома заводской администрации были сосредоточены в отдельном квартале и отличались от домов рабочих и мелких служащих лучшим устройством и большими размерами. Администрация жила отдельной от остального населения жизнью, как особая каста. Квартиры административного персонала были устроены со всеми удобствами; по вечерам часто из них слышались музыка и пение.

Скученность, темнота и грязь царили в домах рабочих и в казармах. Рабочие жили серой, нудной жизнью, заполняя свои досуги попойками, часто кончавшимися дракой.

Мелкие служащие завода, а также местные торговцы и приказчики были прослойкой между рабочими и администрацией.

Вечерами служащие посещали клуб, в котором изредка устраивались любительские спектакли, играли в карты и пили.

Пьянство на заводе процветало в грандиозных размерах, так как общественной жизни на заводе почти не было никакой, как и в большинстве глухих мест России в то время.

Население завода было пришлое. Большинство рабочих—крестьяне, недавно оторвавшиеся от сохи. Нужда погнала их на далекий и суровый Урал в поисках заработка, который сравнительно с другими заводами и фабриками России здесь был выше.

Как известно, уроженцы большинства губерний имеют свой выговор. По выговору можно было узнать, что в Надеждинском заводе собрались пред-

ставители разных губерний, за сотни и тысячи верст от своей родины. Одни из них говорили на «о», другие «акали», одни перевирали слова на один манер, другие иначе. Здесь были представители Вятской, Смоленской, Рязанской, Орловской, Уфимской, Казанской, Виленской и других губерний.

В огромном большинстве рабочие завода и, в особенности, чернорабочие были настроены крайне консервативно и крепко стояли «за веру и царя». При ближайшем знакомстве с населением было ясно, что вести здесь политическую работу в более или менее широком масштабе, о чем я мечтал, получив назначение в Надеждинский завод, не представлялось возможности.

II.

Мои первые знакомства.

Естественно, что первые мои знакомства завязывались среди служащих. Только спустя некоторое время мне удалось познакомиться также и с некоторыми рабочими завода.

Чуть ли не с одним из первых я познакомился с доктором Токаревым, о котором мне приходилось слышать раньше от своего отца, знавшего доктора по его прежней службе в земстве. По рассказам отца и некоторых других я составил о докторе представление, как о человеке весьма образованном, передовом и остроумном.

Коренастый, сутулый, выше среднего роста, доктор гладко зачесывал длинные волосы назад, а его солидный нос украшали большие темно-синие очки.

При знакомстве с ним я убедился, что это был действительно умный и разносторонне образованный человек, но радикализм его уже выдохся.

На заводской службе он имел прекрасную квартиру и недурно зарабатывал.

Заводская больница была построена, согласно его указаниям, по последнему слову науки. Но рабочие и вообще «простой народ» доктора не любили, так как находили, что он внимателен к служащим, особенно к занимающим высокие посты, но с рабочими строг и неприветлив, а при увечьях и поранениях рабочих, что на заводе случается часто, дает пострадавшим, якобы, несправедливые заключения.

Среди служащих было несколько человек с передовыми взглядами, но их радикализм дальше остроумия за зеленым столом и бутылкой вина не шел.

Было несколько человек с революционным прошлым, побывавших в ссылке (т. т. Зобнин, Ягодкин), но к тому времени они обзавелись семьями, утихомирились и вели спокойный образ жизни. Ктому же за ними, как за лицами с «крамольным» прошлым, был более строгий надзор.

Все они были оторваны от рабочих и через них я, если бы даже и захотел, не имел возможности познакомиться с рабочими.

Однажды вечером, вскоре после моего приезда в Надеждинск, ко мне зашел очень скромный молодой человек. Звали его—К. Ф. Коняев. Он служил в заводской конторе мелким служащим, а на досуге работал над всевозможными изобретениями. Помню, что его изобретения, с которыми он познакомил меня, на меня произвели впечатление очень остроумных и заслуживающих полного внимания. Но, как это у нас было раньше обычным явлением, власть имущие к его изобретениям относились или иронически, или же совершенно равнодушно.

Работал юный изобретатель над своими изобретениями в свободное от службы время, при чем все свое скромное жалованье он тратил на приобретение

необходимых ему инструментов и препаратов, без надежды, не имея средств и поддержки, осуществить свои замыслы в жизни.

Не знаю, что толкнуло его забрести ко мне. Вероятно, он слышал от кого-нибудь, что я корреспондирую в екатеринбургскую газету «Уральская Жизнь», и, может быть, надеялся получить от меня, как представителя печати, моральную поддержку.

Из беседы с ним я узнал, что т. Коняев не чужд и общественной работе и хорошо был знаком с товарищами, имевшими отношение к общественной и политической работе. Через него я познакомился с Д. Н. Добрыниным, который незадолго до моего приезда был выпущен из тюрьмы.

Обвинялся тов. Добрынин в распространении апрельских прокламаций в 1902 году, но, по недостатку улик, продержав несколько месяцев в николаевском централе, его должны были выпустить на свободу. Одновременно с ним был арестован и также к тому моменту освобожден Н. Н Сенокосов.

III.

Начало политической работы.

Насколько неблагоприятны были условия для политической работы в Надеждинском заводе, вследствие отсталости и темноты рабочих, доказывает следующий факт.

Первые прокламации на заводе были разбросаны в апреле 1902 г. Одним из пунктов этих прокламаций было требование своевременной выдаче рабочим заработной платы.

Это требование было весьма существенно для рабочих, т. к. задолженность заводоуправления рабочим достигла больших размеров. По сообщению

главного начальника уральских заводов Боклевского, к 1-му марта было не уплачено рабочим за январь 135.000 р. и за февраль 190.000 р. Это побуждало заводоуправление выдавать рабочим особые талоны, на которые они могли забирать у местных торговцев продукты по весьма повышенным ценам. Нередко случалось так, что, если рабочему нужны были наличные деньги, купленный ненужный ему товар принимался в той же лавке обратно, но уже по весьма низкой цене. В свои же заводские лавки рабочие, как правило, не обращались, так как расценка в них значительно превышала базарные цены.

Естественно, затяжка с выдачей заработной платы вызывала сильное недовольство.

Включение пункта с требованием о своевременной выдаче рабочим заработной платы, казалось бы, должно было вызвать у рабочих полное сочувствие к прокламациям. Помимо этого, в прокламациях требовалось уменьшение рабочего дня до 8 часов, увеличение поденных и сдельных плат, сохранение половинного заработка во время болезни, удаление по указанию рабочих смотрителей, мастеров и штейгеров, неудаление рабочих за пред'явление своих требований и пр.

Несмотря на это, прокламации постигла печальная участь: сами рабочие собирали их и относили к полицейскому надзирателю с руганью по адресу авторов прокламаций.

Очевидно, при таких условиях начинать политическую работу здесь нужно было с азов, постепенно развертывая ее и углубляя.

При моем приезде на завод политической работы почти не велось. Товарищи Добрынин и Сенокосов, как недавно выпущенные из тюрьмы, пользовались особым вниманием охранников. Им приходилось быть особенно осторожными.

Другие товарищи, принимавшие ранее то или другое участие в работе, оставшись без активных руководителей, ни в чем не проявляли своей деятельности.

Я решил начать с культурной работы.

На наше счастье в Надеждинском заводе построили перед японской войной народный дом.

Создалась труппа любителей из служащих. В труппу постепенно удалось привлечь рабочих, и через некоторое время из недр ее выделилась особая группа, состоявшая почти целиком из рабочих.

Премьером в рабочей группе был слесарь В. А. Чащин (впоследствии депутат второй государственной думы).

Рабочей труппой было поставлено несколько спектаклей, которые прошли с громадным успехом у рабочей аудитории, узнававшей в исполнителях своих товарищей по повседневной работе. Этой труппой была поставлена пьеса Карпова «Рабочая Слободка» и несколько пьес Островского.

Как известно, сцена сближает участников спектакля; между артистами создаются добрые товарищеские отношения, а закулисные собрания и репетиции дают возможность для откровенных бесед.

Работа в театре дала возможность сколотить небольшой кружок из рабочих и интеллигентов, с которым велась, хотя и в небольшом масштабе, работа политическая. Таким образом, к началу Русско-Японской войны у нас имелось небольшое ядро товарищей и «сочувствующих».

IV.

Товарищи и «сочувствующие».

Сначала нас было немного; постепенно к нам стали примыкать горняки—молодежь, окончившая

горное училище в Турьинских рудниках, и рабочие. К началу Японской войны наш кружок насчитывал несколько человек.

Всей политической работой руководила тройка, в которую входили: Д. Н. Добрынин, М. В. Горшков и я. В кружке первое время были: В. А. Чащин—слесарь, И. И. Антонов—рабочий завода, специальности его не помню, впоследствии член первой государственной думы, А. В. Горшков младший и другие. В 1905 году ко мне приехали младшие брат Александр и сестра Елизавета, которые тоже примкнули к нашему кружку.

Товарищи, участвовавшие в надеждинском политкружке, морально обязывались влиять в известном смысле на своих знакомых рабочих, служащих и молодежь.

Среди последних работу вел, главным образом, А. Горшков (младший), у которого были товарищи по горному училищу. Работа велась исподволь и обычно начиналась с того, что новым товарищам рекомендовали прочесть некоторые беллетристические произведения, в которых затрагивались политические или социально-экономические вопросы,—а также литературно-критические статьи. Приохотив к чтению, переходили затем на более серьезную литературу.

Таким образом тов. Горшкову удалось заинтересовать А. Тягунова, Олимпия Петрова, А. Сергеева, Дм. Ожигонова и других.

Из рабочих, стоявших близко к кружку, хотя и не принимавших непосредственного участия в нем, вспоминаю И. Р. Чуприкова, Поваренкова, Колмогорова, П. Лапина (младшего) и других.

Все это были развитые и довольно начитанные люди. Тов. Чуприков отличался значительной силой, которая ему впоследствии не раз пригодилась. Товарищ Поваренков—стройный, высокий рабочий, оде-

вавшийся во внерабочее время по-европейски, работал в прокатном цехе и имел на своих товарищей по работе большое влияние.

А. Тягунов, в то время очень молодой отличался храбростью. Про него говорили, что он «отчаянный». Олимпий Петров—серьезный юноша, любил покопаться в прочитанном и дойти до всего «своим умом».

Адриан (его звали Янко) Сергеев—долговязый молодой человек, весьма сообразительный и серьезный. Все это были славные товарищи, и через 20 лет память с удовольствием останавливается на них. Теперь из них «одних уж нет, другие же далече»...

Из служащих отмечу т. т. Коняева, Петухова. Титова, Беляева, И. Лапина (старшего).

Д. Н. Добрынин.

Таким образом, наша маленькая ячейка постепенно обрастала идейно сочувствовавшими нам товарищами, которые хотя организационно и не были связаны с нами, но мы были уверены, что в нужный момент они пойдут с нами. И мы не ошиблись.

Скажу несколько слов также о товарищах, оглавлявших движение.

Д. Н. Добрынин происходил из бедной, пролетарской семьи. В молодости ему пришлось много перетерпеть лишений, подчас и нищеты, когда он с отцом, будучи еще мальчиком, ходил из города в город в поисках работы... Приходилось почевать нередко под открытым небом, терпеть голод и холод

В то время, к которому относятся мои воспоминания, он был материально более или менее устроен, служил на постройке жел. дороги Надеждинский завод—Гора Благодать (Кушва); его мать, при его помощи, даже построила себе небольшой домик.

«Карьеру» свою Д. Н. начал с мальчиков на заводе; между прочим, он служил в конторе под начальством Ягодкина. Последний заметил у мальчика выдающиеся способности и помог ему выдвинуться. Ягодкин имел большое влияние на его развитие, рекомендовал ему книжки для чтения, беседовал с ним о политике, экономике, рассказывал о своей ссылке. Добрынин всегда отзывался о Ягодкине с большой теплотой.

В 1905 году Добрынину было около 28 лет. Среднего роста, немного сутулый, с зачесанными назад темнорусыми волосами, с небольшой бородкой и усами рыжеватого цвета, он отличался жизнерадостностью и энергией. Глаза его весело поблескивали, и редко я видел его унывающим. В то время он был уже значительно начитан. На заседаниях «тройки» в большинстве случаев его мнение совпадало с моим, а М. В. Горшков частенько был нам в оппозиции и по многим вопросам с ним приходилось выдерживать горячие споры.

М. В. Горшков происходил из крестьян Вятской губернии. Он любил с гордостью говорить, что дед его был известным разбойником. Он был близорук, ходил в очках; его серые, глубоко запавшие глаза блестели холодом. Заостренный нос был глубоко вдавлен при основании, жесткие усы топорщились, скулы выдавались вперед и, вообще, красотой он не блистал.

Улыбался М. В. редко, был вспыльчив и часто резок, но вместе с тем он был хорошим агитатором и умел зажигать толпу. Большой эрудицией он не

обладал и с марксизмом был знаком поверхностно. Служил он тогда, если не ошибаюсь, счетоводом. Ему было лет 27 от роду.

Его младший брат Александр Горшков в то время производил впечатление мальчика (ему было лет 19-20). Это был необычайно отзывчивый и воспламеняющийся юноша. Он готов был пожертвовать товарищу, если требовалось, последнюю рубашку. Для революции Александр был готов работать днем и ночью, не щадя своих сил. Он горел на огне революции и, несмотря на свое неважное здоровье, был необычайно энергичен, и сгорел очень быстро, как это видно будет в дальнейшем.

В. А. Чащин

Хорошо мне запомнился также В. А. Чащин — рабочий слесарь. По внешнему виду он напоминал М. Горького, как последнего изображали на рисунках и открытках, и в шутку мы его называли иногда «Горьким».

Чащин жил очень близко от меня, часто забегал ко мне и почти ни одного дела не начинал, не посоветовавшись со мной. Среди рабочих товарищ Чащин пользовался большим влиянием. Он увлекался также театральным искусством и был одним из наиболее активных организаторов рабочей труппы и премьером в ней на роли первых любовников и трагиков. Мягкий, задумчивый, любивший читать беллетристику, Чащин вместе с тем был хорошим товарищем-партийцем.

Он был избран депутатом во 2-ю государственную думу и вместе с остальными членами с.-д. фракции думы был осужден на каторгу.

Пишущий эти строки также вышел из крестьян и учился в Москве на земскую стипендию, откуда должен был уехать на родину (в Верхотурский уезд), как говорят, по независящим причинам.

Все товарищи в нашем кружке и сочувствовавшие вышли из крестьянской или рабочей среды. Среди них я не помню ни одного «типичного интеллигента». Все это были «дети семьи трудовой».

V.

Японская война, 9 января и рабочие.

Война с Японией вначале вызвала в массах взрыв патриотизма, как это было и в начале русско-германской войны.

«Шапками закидаем»,—кричали призываемые на войну, напиваясь до бесчувствия. Потребовалось немало жертв и времени, прежде чем патриотический угар испарился, уступив место недовольству против виновников войны.

Война об'явлена была в феврале 1904 года, а 1-го мая в том же году прокламации, разбросанные

на заводе, хотя и не вызвали у рабочих энтузиазма, но уже не было и желающих тащить их в полицейский участок.

Текст прокламаций был написан мною; в редактировании его принимали участие Добрынин, Горшковы и Чащин.

Я сейчас уже не помню содержания прокламаций, но они были приурочены к 1-му мая и касались празднования рабочими этого дня. Печатал прокламации А. Горшков с одним из своих молодых товарищей; печатали на самодельном гоктографе, просидев за работой всю ночь в подполье.

Прокламации разбрасывались по улицам и цехам, расклеивались на заборах, клались в ящики инструментов на заводе. В распространении прокламаций принимали участие братья Тягуновы, А. Горшков, И. Р. Чуприков, А. Климов, А. Сергеев, В. Чащин и Колмогоров.

Неожиданное появление прокламаций всюду в большом количестве вызвало массу всевозможных толков.

Особенно много было разговоров о прокламациях, раскиданных ночью в мартеновском цехе, в то время настроенном довольно черносотенно. На глазах рабочих неизвестный, с поднятым воротником и в лакированных сапогах (в действительности вычищенных ваксой), разбросал прокламации и скрылся. За ним устроили было погоню, но он как сквозь землю провалился... На самом деле неизвестный, обладавший хорошо развитыми мускулами не только рук, но и ног, быстро убежал от мартена и скрылся за помещениями. Это был И. Р. Чуприков.

И не столько, вероятно, содержание прокламаций, сколько самый факт обильного и неожиданного появления их всколыхнул болото стоячее, вызвав массу всевозможных разговоров среди рабочих и обывателей.

Но все же указанная выше, главным образом, культурная и кружковая работа больших результатов дать не могла, для ведения же массовой работы не было соответствующих условий.

Пробуждение рабочего класса и просветление его классового самосознания в более или менее значительном размере началось только после 9-го января 1905 года.

Сведения о расстреле петербургских рабочих, шедших к царю за милостями, докатились до нас не только с газетами, которым мы не особенно верили; мы узнали о событиях также и от очевидцев и из нелегальной литературы.

Либеральные инженеры, имевшие возможность ездить в Петербург, в этом отношении нам много содействовали. Со своей стороны кружок сделал все возможное, чтобы сведения о 9 января распространить возможно шире среди рабочих.

107738

VI.

Вторичный арест Д. Н. Добрынина.

В феврале 1905 года однажды вечером ко мне заехал И. В. Петухов и привез неприятное известие: Добрынина опять арестовали.

Петухов в нашем кружке не состоял, но был «сочувствующим». Это был невысокий и плотный, бородатый, многосемейный человек с живыми умными глазами. Он служил приказчиком в магазине своего дяди, много читал и сам пописывал стихи. Некоторые из его стихотворений были напечатаны в уральских газетах. В длинные зимние вечера, случалось, мы просиживали с ним за полночь в разговорах о политике и литературе.

100005

Просидев с Петуховым до полуночи, мы решили прокатиться на его лошадке, стоявшей у ворот.

Ночь была морозная, звездная, улицы заводского поселка пустынны и мертвы. Один завод, по обыкновению, гудел, шумел и скрежетал. Пылала синеватым пламенем, словно грандиозная свеча, доменная печь.

Проезжая около арестного помещения, в котором был заключен Добрынин до отправки его в екатеринбургскую тюрьму, мы не могли отказать себе в удовольствии запустить кирпичем в окно квартиры урядника, находившейся рядом с арестным помещением...

В нас горело чувство мести к насильникам, вырвавшим из наших рядов энергичного товарища. К тому же через Добрынина мы были связаны с екатеринбургским партийным центром и с его арестом связь эта обрывалась.

Добрынина отправляли через день по новой железной дороге в товарном поезде. Это был чуть ли не первый поезд по начерно-законченному рельсовому пути, связавшему Надеждинский завод с «культурным центром». Пользуясь возможностью ехать по железной дороге, я решил с'ездить в Екатеринбург, в надежде по дороге увидаться с Добрыниным.

Затруднение было с получением разрешения на проезд, т. к. путь еще был не забалластирован и частным пассажирам ездить не разрешалось. Но при содействии директора завода инж. Хренникова мне удалось получить разрешение, и я отправился в том же поезде, в котором везли Добрынина, но только в другой теплушке.

Добрынина охраняли два дюжих жандарма. На одной из станций один из телохранителей вывел арестованного «до-ветру», и мне удалось перемолвиться с ним несколькими фразами.

— В книжном магазине Куренщикова спросишь № 107 «Наша Жизнь». Это пароль для явки. Остальное ясно... Кстати узнай, не связан ли мой арест с

провалом партийной организации в Екатеринбурге. Если нет, то меня, видимо, скоро освободят, т. к. улик у жандармов никаких нет. — Сообщил мне Добрынин.

Поезд по новой дороге тащился медленно и несколько раз сходил с рельс... Но все же мы добрались до Гороблагодатской, а отсюда уже по Уральской жел. дороге до Екатеринбурга было несколько часов езды.

С трепетом я шел в книжный магазин: мне представлялась возможность войти в непосредственное общение с партийной организацией. В книжном магазине была публика, и я стал рассматривать литературу. За прилавком находились две женщины — одна постарше (как я узнал позднее, К. Т. Новогородцева) и вторая молодая, с черными глазами и румяным круглым лицом (М. Н. Пинжакова, партийная работница, погибшая впоследствии в ссылке). Улучив момент, когда у прилавка никого не было, я обратился к старшей из них со словами:

— Дайте, пожалуйста, «Нашу Жизнь» 107-й номер.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Немного подождите, *товарищ*.

Слово «товарищ» звучало для меня в тот момент, как музыка, как символ единения с партией.

Когда в магазине никого из посетителей не осталось, Клавдия Тимофеевна (имена некоторых товарищей, возможно, за давностью времени, я путаю), убедившись из разговора со мной, что я действительно товарищ, сообщила мне, что провала в Екатеринбурге не было и, следовательно, арест Добрынина нужно об'яснить местными причинами.

Уезжал я из Екатеринбургас с ознанием исполненного долга, установив с партией необходимую связь. Кстати сказать — в то время Р.С.-Д.Р.П. на Урале находилась под полным влиянием большевиков.

VII.

Организация совета рабочих депутатов.

Весна в Богословском горном округе начинается поздно. Но вот зазеленели леса, со всех сторон окружавшие Надеждинский завод. С весной совпало оживление и в рабочих кругах.

Мы пользовались легальными и нелегальными возможностями, чтобы поднять это настроение. Наши прокламации, отпечатанные на самодельном гектографе, теперь уже охотно читались рабочими. Мы распространяли среди них кое-какую, имевшуюся в нашем распоряжении, литературу. Кроме того, я корреспондировал в «Уральской Жизни», сообщая о всех выдающихся фактах местной жизни с соответствующим освещением.

Корреспонденции охотно читались не только интеллигенцией, но и рабочими и давали материал для горячих бесед и споров.

После пасхи в народном доме удалось устроить несколько собраний с участием рабочих, на которых обсуждались исключительно экономические вопросы.

Оснований для неудовольствий у рабочих было много. Заработная плата задерживалась или же, вместо денег, рабочим выдавали ордера в общество потребителей и в частные лавки, где им сбывали товар по дорогой цене и часто не того ассортимента, какой им требовался. Этот ненужный товар приходилось продавать за полцены, чтобы получить наличные деньги.

Полиция с рабочими была груба и нередко жестоко расправлялась с теми из них, кто по «пьяной лавочке» попадал в участок.

Арестантская при участке была небольшая, грязная, с миллиардами клопов.

Было также недовольство против доктора Токарева, о чем я упоминал уже выше. Наряду с другими требованиями, которые были выработаны на собраниях, рабочие решительно настаивали на включении также пункта об увольнении доктора Токарева со службы.

В числе требований были следующие: уменьшение рабочего дня, повышение заработной платы и своевременная выдача ее деньгами, вежливое обращение с рабочими мастеров, улучшение арестного помещения, смена полицейских и др.

Собрания рабочих проводились при ближайшем участии и под руководством товарищей Добрынина (к тому времени уже выпущенного из тюрьмы), М. Горшкова, Чащина, Антонова, Поваренкова и др.

На одном из этих собраний было решено произвести выборы рабочих, которые должны были пред'явить администрации ряд требований. Заводская администрация, считая, что легче иметь дело с выборными, чем с рабочей массой в целом, препятствий этому не чинила.

Выборные, по инициативе «тройки», вскоре присвоили себе названне совета рабочих депутатов. *В конце мая 1905 года в Надеждинском заводе существовал уже совет рабочих депутатов и, я думаю, это первый совет во всей России по времени своего возникновения.*

VIII.

Работа совета рабочих депутатов.

Все наиболее важные и принципиальные вопросы предварительно обсуждались в «тройке» (как уже сказано, в нее входили Добрынин, Горшков М. и я); «тройка» фактически была комитетом организации. Некоторые вопросы до обсуждения их на об-

щих собраниях совета рабочих депутатов предварительно выносились на обсуждение пленума кружка, в котором к тому времени было уже человек тридцать.

Представители в совет избирались открытым голосованием, если память мне не изменяет, по одному на 10 человек. Выборы происходили по цехам. Совет из своей среды выделил президиум (около 20 человек), председателем президиума был выбран Д. Н. Добрынин, секретарем М. В. Горшков.

Почти все члены нашего кружка вошли в совет и многие из них в президиум. И таким образом руководство работой совета нашей ячейкой было обеспечено полностью.

Все спорные вопросы в связи с пред'явленными рабочими требованиями обсуждались на об'единенных заседаниях президиума с представителями администрации. Надо сказать, что администрация завода была в общем настроена довольно доброжелательно к рабочим. Директор завода С. А. Хренников шел широко навстречу требованиям рабочих.

Главный директор Богословского горного округа Владыкин слыл толстовцем и также был настроен к рабочим доброжелательно.

Но все же эти лица были представителями заводовладельцев и должны были по своему положению отстаивать их интересы. По многим вопросам соглашение было достигнуто далеко не сразу. При чем иногда вопросы, как будто и маловажные, администрацией завода защищались особенно горячо.

Таким вопросом было требование об увольнении доктора Токарева.

Был момент (конец мая 1905 года и первые числа июня), когда по ряду вопросов соглашения достигнуть не удалось, и рабочие решили об'явить забастовку.

В это время брат мой Александр, служивший в о-ве потребителей, вел активную работу среди торговых служащих. Приказчики, которых в то время безжалостно эксплоатировали, заставляя работать по 12 и 16 часов в сутки, также выработали ряд требований.

К приказчикам о-ва потребителей примкнули и служившие у частных торговцев. Так как соглашения с предпринимателями у приказчиков не было достигнуто, они также примкнули к забастовке рабочих.

Забастовка продолжалась недолго, ибо вскоре, по об'явлении ее по большинству важнейших вопросов было достигнуто соглашение. Несомненно, на сговорчивость администрации забастовка повлияла определенным образом.

Рабочие были настойчивы и действовали сплоченно, у администрации же не было реальной силы, чтобы противодействовать им. (В заводе совершенно не было воинских сил, а из полиции имелись полицейский надзиратель, урядник и несколько стражников).

Ктому же у тогдашнего состава администрации, видимо, и не было желания прибегать к подавлению движения вооруженной силой, и она старалась ликвидировать забастовку мирным путем.

В частности, требование об увольнении доктора Токарева вызвало бурю негодования среди интеллигенции, а требование об улучшении арестного дома дало противникам рабочего движения материал для зубоскальства: прежде всего хлопочут-де об арестантской, считая себя первыми кандидатами в нее.

Администрация воспротивилась уволнению доктора, но это только усилило настойчивость со сто-

роны рабочих... К требованию присоединились угрозы вывезти его на тачке. Доктор вынужден был уехать.

Торговцы также вынуждены были пойти на значительные уступки приказчикам. О-во потребителей первое удовлетворило их требования (председателем совета уполномоченных был Д. Н. Добрынин, и это, разумеется, облегчило служащим о-ва их борьбу за улучшение своего положения). За о-вом пошли за уступки и частные торговцы.

На об'единенных заседаниях президиума совета с администрацией завода от последней представительствовали инженеры: Хренников, Бобровский, Зарудный, Ротман и др.

IX.

Авторитет совета рабочих депутатов.

Успех совета в отстаивании интересов рабочих поднял его авторитет на необычайную высоту; к нему стали обращаться по всевозможного рода делам, в том числе и чисто судебного характера.

Президиум совета вынужден был разбирать споры, тяжбы, драки и пр. и выносить по ним решения, *которые тотчас же проводились в жизнь*. Так, например, советом было вынесено постановление о высылке из горного округа нескольких молодых людей, проявивших себя в систематическом пьянстве и хулиганских поступках. И это требование немедленно было исполнено, несмотря на то, что совет не обладал никаким аппаратом для проведения в жизнь своих постановлений. Таков был авторитет его.

Надеждинский завод летом 1905 года представлял в России оазис, который не подчинялся никаким законам империи и жил на основе своих норм и неписанных прав.

Собрания совета рабочих депутатов происходили в народном доме, который перешел целиком в ведение рабочих. Бессильная задержать или подавить рабочее движение, местная полиция, надо полагать, бомбардировала телеграммами начальство в Перми и Верхотурье, указывая на опасность движения.

Однажды нам сообщили, что в Надеждинск приехали жандармы во главе с ротмистром для ареста вожаков движения. Весть эта быстро облетела рабочих. Было об'явлено общее собрание.

Вечером народный дом был переполнен, Один за другим выходили ораторы на сцену и громили в своих речах непрошенных гостей. М. Горшков требовал беспощадной расправы с ними. Настроение среди рабочих было крайне приподнятое.

Рабочие готовы были двинуться на расправу с жандармами, а это, разумеется, немедленно вызвало бы присылку к нам казаков. После горячих прений решено было ограничиться пред'явлением требований о выезде жандармов с первым же поездом, а если это ими не будет исполнено, то принять «соответствующие меры».

Как нам передавали после, сидевшие в гостинице гости ждали конца митинга со страхом и трепетом. Почти всю ночь они не спали и чуть свет уехали на вокзал, засели в свой вагон и успокоились только тогда, когда поезд двинулся.

Мы ждали после этого казаков, солдат, но ни тех, ни других не было. Слишком далеко наш завод был от Перми; к тому же солдат там, вероятно, тоже было не так много. В то же время неспокойная Мотовилиха была под боком у губернатора.

В административных центрах губернии до поры, до времени терпели мирно развивавшиеся события в Надеждинском заводе и, вероятно, рассуждали так: Надеждинский завод заброшен в глуши и отде-

лен от других заводов большим расстоянием; рабочие-де поволнуются, поварятся в собственном соку и успокоятся.

По словам некоторых инженеров, сочувствовавших рабочему движению, губернатор Наумов говорил, что у него в губернии имеется два революционных гнезда—Надеждинск и Мотовилиха, которые нужно разорить при первой же возможности. Но возможность эта представилась только его заместителю и то не ранее, как после об'явления «конституции» 17-го октября.

Провокаторов и шпионов, видимо, слали к нам в изобилии. Один из них, по глупости или по другим причинам, кое с кем разоткровенничался. Об этом сообщили Добрынину и мне, и мы распорядились доставить его к нам.

Пред нами стоял молодой брюнет, державшийся весьма развязно и говоривший о своей профессии с большой откровенностью.

— У нас, у охранников, такое убеждение, что самодержавие все равно скоро падет, а потому и поддерживать его нечего,—об'яснил он и предложил нам свои услуги по части осведомления о мероприятиях властей с целью организации контр-движения рабочих.

Был ли это просто хвастун, или действительно провокатор, нам установить не удалось. Ему было предложено немедленно убраться из Надеждинского завода, если он желает сохранить свою голову, и он вскоре исчез.

X.

Нарушение единого фронта.

Примерно до июля революционное движение развивалось в заводе при полном согласии как членов верхушки, оглавлявшей его, так и рабочих. Но постепенно единодушие стало нарушаться.

С одной стороны, *масса малосознательных рабочих*, сначала горячо поддерживавшая *все экономические требования*,—по мере внесения *в движение политических мотивов*, стала отходить от него.

С другой стороны, наметилась небольшая группа, оглавляемая М. Горшковым, которая стояла за более решительные и анархические действия.

М. Горшков полагал, что достаточно иметь человек 30 преданных и хорошо вооруженных товарищей и можно выступить на вооруженную борьбу.

Он стал устраивать на реке Какве конспиративные собрания. Около него образовалась небольшая кучка горячих голов, разделявших его взгляды. В числе их брат Михаила, А. Горшков. Он также не считал нужным выжидать развития революционного движения в широких массах.

Таким образом, единый фронт в работе был нарушен: в верхушке нашей организации наметились две тактики, и это скоро привело к неожиданным последствиям,

По делам службы мне нужно было на день-на два уехать в Турьинские Рудники и Богословский завод. Горшков в это время устроил в народном доме митинг и выступил на нем с ярко-политической речью, призывая к вооруженному восстанию, к захвату власти, к уничтожению царя...

Выступление т. Горшкова умело использовали черносотенцы и провокаторы, чтобы повести соответствующую агитацию среди малосознательных рабочих-крестьян, ничего не имевших против улучшения их экономического положения, но все еще непоколебимо стоявших «за царя и за веру православную».

Темные массы заволновались и оказались в таком подавляющем большинстве, что голоса сознательных рабочих потонули в этой массе; их не желали слушать, по их адресу раздавались откровен

ные угрозы. Было составлено требование о высылке М. Горшкова и Добрынина (последний председательствовал на этом митинге) из Надеждинского завода, как зловредных смутьянов, врагов царя и отечества.

Когда я вернулся, положение было тревожное. Ясно было, что, если черносотенцы одержат победу, они не остановятся на этом, а постараются задушить в корне революционное движение и расправиться с остальными товарищами.

В угнетенном состоянии духа вечером пришли ко мне т.т, Добрынин и Горшков. Выслушав их, я спросил, что они предполагают делать.

— Придется подчиниться,—ответил Горшков.— Администрация, конечно, с удовольствием исполнит требование рабочих о нашей высылке. Кабы у меня было побольше вооруженных, я бы не подчинился. Но пока в моей дружине не более десяти человек.

Я предложил другой план действий: созвать снова митинг и на нем попытаться изменить настроение рабочих в свою пользу.

— Не будут слушать.

— Попробуем... На последнем митинге я не выступал и, авось, меня выслушают.

В тот же день был созван митинг, и опять зал народного дома был переполнен. Но это была не прежняя доверчивая и благожелательная аудитория. Она шумела, волновалась и не желала слушать.

Стоило большого труда, чтобы овладеть ее вниманием. Пришлось начать с экономики. Я указал, как важно для рабочих сохранить единомыслие и сплоченность: благодаря тому, что до сих пор рабочие выступали дружной семьей, они добились многого... Перечислил завоевания рабочих за последнее время...

Это были факты и против них нельзя было протестовать. Послышались голоса:

—Это верно. Правильно. Но политики не надо.

Я указал дальше на огромные заслуги Добрынина и Горшкова перед рабочими.

— Разве они добивались каких-нибудь личных выгод? Оба, они служащие, могли бы делать свое дело и совершенно устраниться от рабочих... Однако, они, рискуя тюрьмой, а может быть и каторгой, предпочли бороться за интересы рабочих... Давно ли приезжали архангелы, чтобы арестовать их? Почему же они, пренебрегая собственными интересами, встали на сторону рабочих? Да потому, что они считают рабочее дело правым и готовы жертвовать за него своею жизнью. Чем же платят им рабочие? Они собственными руками готовы предать своих друзей и защитников в руки своих врагов.

Большинство рабочих было уже на моей стороне, требовало соблюдения тишины и шикало на крикунов и провокаторов, стремившихся сорвать собрание. Завоевав внимание рабочих, я приступил к самой трудной задаче,—к об'яснению, почему экономические вопросы неотделимы от политических. Видимо, это мне удалось, т. к. после окончания моей речи рабочие говорили:

— Спасибо. Теперь нам понятно... Кабы сразу так...

После меня говорили Добрынин, Горшков, Чащин и другие товарищи. Их не только слушали, но и горячо аплодировали.

В результате пресловутый приговор о высылке товарищей был отменен и «единый фронт» на время восстановлен.

Наши враги, поднявшие голову и не скрывавшие своего торжества, замолкли ипритаились... Притаились до поры, до времени, но потихоньку готовились к новому нападению.

Местные лавочники, поп из академиков, а также лица, про которых говорили, что они состояли на службе охранки, не дремали и вербовали приверженцев.

Про революционеров распространяли самые нелепые слухи, но чем они были нелепее, тем легче им верили невежественные массы.

XI.

Товарищ из центра.

Несмотря на то, что связь с екатеринбургской организацией у нас имелась, все же связь эта носила скорее формальный характер. Мы получали изредка кое-какую литературу, и только. Наметившийся раскол в верхушке нашей ячейки невольно заставлял нас искать проверки наших действий из центра, и мы неоднократно просили прислать опытного товарища, который проверил бы нашу работу и дал определенные директивы на будущее.

Несмотря на то, что условия позволяли нам широко вести политическую работу, мы не могли в полной мере использовать благоприятное положение, так как у нас не хватало соответствующей литературы, в заводе не имелось типографии, и мы лишены были возможности выпускать хотя бы самую маленькую газету-листовку, а самое главное—в нашей среде мало было вполне подготовленных товарищей, способных вести широкую агитационную работу. Завоевание «широких масс» у нас шло медленно, чему причиной, между прочим, была подпольная работа черносотенцев и охранников.

В это время по всей России шла волна забастовок, рабочее движение ширилось. По газетным сведениям можно было судить, что начинается что-то

огромное, стихийное. Стихия волновалась, постепенно нарастая, но еще не сокрушала, не ломала преград на своем пути.

Организовались земцы, интеллигенция, рабочие... Были созданы союзы служащих по профессиям, выделившие общий комитет. В то время союз союзов рисовался огромной силой.

Инженеры и техники нашего завода вступили в свой союз, несмотря на разницу политических убеждений. Даже инженер Диев, побочный сын одного из главных акционеров Богословского горного округа, несмотря на то, что он был убежденным монархистом, из солидарности вступил в союз инженеров и многих в то время привел в умиление.

В широкой платформе союза была его слабость, т. к. при серьезном испытании единение быстро нарушилось.

Врачи, фельдшера, акушерки вступили в союз медиков, лица других профессий в соответствующие союзы... Внешне все было грандиозно и внушительно, но по существу союзы носили элементы разложения в самом начале... И только сознательная часть рабочих действовала по строгой программе и знала хорошо свои цели. Но их у нас было мало.

В народном доме должна была состояться моя лекция «о Пугачеве». За день, за два до лекции я поздно вернулся из народного дома с репетиции и застал у себя гостя: молодой человек, с живыми черными глазами, с круглым лицом, опушенным небольшой курчавой бородкой (запустил «для солидности и конспирации»). Он отрекомендовался:

— Сибиряк (Ведерников).

И сказал условленный пароль. Это был долгожданный товарищ, наконец-то приехавший из Екатеринбурга. Он почти с утра, дожидаясь моего прихода, сидел у меня на квартире, ничего не ел, и первой моей заботой было накормить его.

Приезд товарища взволновал и обрадовал. Помню всю ночь мы с ним проговорили, при чем главной темой беседы был аграрный вопрос, наиболее уязвимое место с.-д. партии того времени.

Я, как крестьянин по происхождению, хорошо знал крестьян и считал, что они наделением отрезков от помещичьих земель не удовлетворятся. Они потребуют себе всю землю.

— Наша партия пролетарская, и наша задача об'единить пролетариат,—говорил мне Ведерников.— Среди крестьян работают социалисты-революционеры, и нам трудно с ними конкурировать в деревне. Их лозунг «земля и воля» привлекает крестьян.

Мне было непонятно, почему социал-демократы не могут также выкинуть лозунг: земля крестьянам без выкупа. Тогда,—говорил я,—крестьянство пойдет за нами. А это важно, чтобы они пошли вместе с рабочими, Рабочим без крестьян самодержавия не свергнуть.

Наша горячая, дружеская беседа затянулась на много часов. Мы много говорили также о будущем строе, о социализме, который принесет людям истинную свободу, всеобщее равенство, прекрасную и счастливую жизнь.

Уснули мы уже утром, когда огненно-красное солнце поднялось над лесом, окаймлявшим завод зеленым кружевом со всех сторон.

Вечером в народном доме, в одной из уборных комнат, за сценой, собрались наши молодые товарищи, и приезжий оратор держал перед ними речь— яркую, сочную, со словами как гвозди, которые глубоко внедрялись в головы, и с лозунгами революционными, без всяких замазываний и затушевок классовых противоречий. Речь его одних увлекала, других, более робких и недостаточно подготовленных, отпугивала.

Такую же речь, с несколько иным содержанием, он произнес после моей лекции перед многолюдной аудиторией в зале народного дома. Тут у нас произошел первый открытый бой с радикально и либерально настроенными интеллигентами.

Речь товарища с ярко революционными лозунгами испугала даже тех из них, которые до сих пор, если не явно, то тайно нас поддерживали.

С возражением т. Сибиряку выступил инженер Ротман, который, бегая по сцене, горячо доказывал, что вооруженная борьба—это нелепость, что надо бороться силой убеждения, а стрелять мы можем разве только по воробьям.

Но все слова были сказаны, и линия была намечена определенно. Желающие могли следовать за нами, испугавшиеся—отклониться...

Выступление Сибиряка быстро разнеслось по заводу и вызвало массу разговоров. На другой день, когда мы с ним только что сели обедать, приехал ко мне полицейский надзиратель, бледный, встревоженный.

Это был лощеный молодой человек интеллигентного типа. Я вышел для переговоров с ним в другую комнату. Надзиратель поставил вопрос ребром:

— По долгу службы я должен арестовать вашего гостя немедленно, но, не желая скандала, а может быть, и серьезных осложнений на этой почве, предлагаю дело кончить миром: пускай он уезжает, а я гарантирую ему полную безопасность.

Обсудив этот вопрос после от'езда надзирателя, мы решили, что осложнять дело не стоит, и товарищ должен уехать. На всякий случай, не особенно доверяя заявлению надзирателя о неприкосновенности, мы изменили внешность товарища... Белая сибирская папаха Сибиряка долго оставалась у меня, как память о нем...

После раза два мы встречались в Екатеринбурге, как большие друзья, но вскоре он получил командировку от партии, и я потерял его след.

Товарищ Ведерников (Сибиряк) погиб, как я слышал, в одной из царских тюрем. Это был типичный партиец-профессионал, один из многих в то время, со всеми характерными чертами, присущими этим товарищам.

Сибиряк, как и огромное большинство профессионалов-партийцев, целью своей жизни ставил борьбу за социализм, на пути к которому прежде всего требовалось сломить самодержавие. Жил он нелегально, не имея постоянного пристанища, где день, где ночь. Терпел всевозможные лишения, но никогда не терял энергии, жизнерадостности и веры в победу, так как фанатически верил в торжество тех идеалов, за которые боролся, как фанатически верил и в самые идеалы. Жизнь таких людей была полна опасностей, кратковременная свобода вечно перемежалась у них с тюрьмами и ссылками.

Вскоре после этого я уехал в разрешенный мне отпуск: мой легочный процесс обострился, и врачи направили меня на кумыс. Но залезть в глушь степей мне не хотелось, и я решил использовать отпуск для поездки по Каме и Волге.

XII.

Октябрьская конституция.

Вернувшись из отпуска, я заметил, что за время моего отсутствия произошли кое-какие перемены. Прежде всего в верхушке нашей ячейки ранее наметившийся раскол обострился. М. Горшков, правда, не собирал больше митингов на р. Какве, но навербовал в свою «дружину» уже человек 20, которых вооружил охотничьими ружьями и плохими револьверами разных систем.

Про нас он говорил, что мы занимаемся ерундой, что не массы, мол, делают революцию, а отдельные личности, герои...

Как будто на помощь ему, приехал некий зубной врач Усышкин, который на наших собраниях не только поддерживал Горшкова, как нам казалось тогда, в его анархической работе, но шел значительно дальше его. Усышкин явно вел нашу партийную ячейку к расколу. Забегая вперед, скажу, что несколько лет спустя мне сообщили, что У. оказался провокатором... Впрочем, насколько это известие соответствовало истине, судить не берусь, т. к. проверить его мне не удалось.

Наряду с этим в широких кругах наметилось определенно реакционное настроение... В этом направлении по всем признакам велась систематическая и настойчивая работа: уже были случаи, когда на стенах появлялись монархические воззвания.

Мы пережили об'явление Булыгинской-Думы, которую часть интеллигенции одобряла.

— Хоть и очень плохая, но все же конституция,—говорили некоторые из них.—Будет пока и этого, а со временем, если не мы, то дети наши получат настоящую конституцию, по английскому образцу. Постепенность в реформах—залог успеха.

Наша группа, разумеется, этой конституции не только восторгов не расточала, но и повела против нее решительную агитацию. Но вместе с тем усилилась кампания и с другой стороны.

18-го октября в Надеждинске были получены первые телеграммы о конституции 17-го октября. Подробностей мы не знали, но все обрадованы были чрезвычайно. И решили отметить об'явление конституции устройством манифестации 19-го октября, если память не изменяет, приходившееся на воскресенье.

Много было хлопот с флагами и надписями на них. По теперешнему масштабу, надписи были не бог знает какие революционные. Одна из них, например, гласила:

— Долой монархию.

Увы, эта надпись, как оказалось потом, сыграла известную роль в разразившемся контр-революционном движении. Надпись эту агитаторы противной стороны почему то перевели, как «долой монахов». И сделали соответствующие выводы: они против веры, хотят в церкви устроить киятры, избивать монахов, и пр.

Утром в воскресенье мы собрались на площади перед народным домом. Обыватели не выражали восторгов и смотрели на нас недружелюбно, в лучшем случае с любопытством. Около наших знамен собралась, сравнительно, небольшая группа рабочих и интеллигентов—наших товарищей и сочувствующих, а главная масса народа стояла поодаль.

Директор завода, назначенный на место уехавшего Хренникова, некто Васильев, небольшого роста толстяк, был встревожен:

— Обратитесь с речью к народу... Надо успокоить... Боюсь, будет беда,—уже несколько раз говорил он мне.

М. Горшков со своею дружиной стоял впереди выстроившейся манифестации и был наверху блаженства, совершенно не замечая настроения масс. Он был упоен «победой», последнее время совершенно не считался с нами и, заметно, стремился оглавлять движение единолично.

Едва я начал речь, и из стоявшей поодаль публики стали присоединяться к слушателям отдельные фигуры (в начале моей речи инженер Васильев спокойно вздохнул и сказал: «ну, теперь все будет хорошо». Видимо, этот чудак очень верил в силу моего слова), как М. Горшков торжественным манове-

нием руки отдал своей дружине приказ трогаться... За ним двинулись и остальные манифестанты, а впереди шествовал в серой шинели полицейский надзиратель «для порядка и охраны».

Таким образом, речь моя была сорвана в самом начале... Товарищи после выражали сильное неудовольствие Горшкову за срыв ее, т. к. они надеялись, что мне удалось бы (как это бывало и раньше) разрядить атмосферу и раз'яснить малосознательной публике значение об'явленной конституции...

Лично я считаю, однако, что речь моя едвали могла изменить общее течение событий, но в тот момент она могла сыграть некоторую роль, разрядив напряженное настроение масс.

Нужна была не только моя речь, но также речи и других товарищей. Силу слова и умело проводимой агитации мы узнали за время последней революции.

Манифестация прошла спокойно, с небольшим количеством участников и при враждебном настроении обывателей. Мы пели революционные песни, произносили лозунги, краткие речи. Запевалом был студент из семинаристов т. Понамарев, хорошо певший и знавший многие революционные песни.

Чувствовалось, что мы—горсточка, окруженная массой враждебных сил.

XIII.

Погром.

21-го октября (в день «Казанской божьей матери») руководители черносотенного движения решили устроить контр-манифестацию. Праздничный день способствовал этому.

Темные и неуловимые личности вели энергичную агитацию, распространяя самые нелепые слухи с целью подействовать на легковерные, невежественные умы масс.

Агитация велась, главным образом, на религиозрой почве, как наиболее благоприятной в то время. Про руководителей рабочего движения распространяли вымыслы, не имевшие бы в наши дни никакого значения, но тогда весьма волновавшие народ. Например, про меня говорили, что он-де иконы расколол на дрова, предварительно их опоганив, а портреты царя сжег... Все это было нелепостью уже по одному тому, что у меня в квартире не было ни икон, ни царских портретов...

В церкви было много народу и священник из академиков сказал там соответствующую проповедь. Надо сказать, что молодой священник не только был нашим политическим врагом, но до некоторой степени и личным. Дело в том, что как-то зимой неизвестные озорники вымазали у попа ворота дегтем; причиной такого конфузного факта была смазливая попадья, пользовавшаяся большим успехом у заводского начальства. Поп почему-то решил, что ворота ему вымазали не хулиганы, а революционеры и возненавидел нас. Но суть, конечно, была не в этом: не глупый, не дурной оратор, он, естественно, был противником безбожников-революционеров.

Народ, выйдя из церкви, не расходился по домам.

Темные личности шныряли от группы к группе и вели агитацию. Попытки наших товарищей противодействовать этой агитации пресекались в самом начале угрозами по их адресу.

Из церкви вынесли хоругви и иконы, и портреты царя и царицы, толпа с пением молитв и «Боже, царя храни» направилась по улицам заводского поселка. Впереди «для порядка» опять шел полицейский надзиратель.

Толпа увеличилась на своем пути обывателями и достигла весьма внушительных размеров. Во всяком случае—эта манифестация была неизмеримо больше нашей.

Настроение было приподнятое... На зевак, недогадавшихся снять шапки, грубо кричали и срывали с них головные уборы... Словом, все шло, как полагается в таких случаях... Да и не могло идти иначе, ибо тогда, двадцать лет тому назад, массы были совсем не те, что в наши дни.

Вскоре с Филькинской пристани (в 8-ми верстах от Надеждинского завода на р. Сосьве) приехал специальный поезд с грузчиками и чернорабочими, главным образом, татарами, настроенными еще более решительно:

— Против бога и царя? Бить!...

Утром, часов в двенадцать, я пошел в народный дом в надежде встретить там кого-нибудь из товарощей. Оказалось, что там дежурил М. Горшков со своей «дружиной».

Черные агитаторы использовали присутствие дружины в народном доме в своих интересах, распространив слухи, что она собирается идти по квартирам для погромов защитников «веры и царя», и подлили этим большую долю масла в огонь.

Возвращаясь на квартиру через рынок, я увидел толпу, гнавшуюся за кем-то... Как оказалось после, один из наших товарищей, П. Лапин (младший), вступил на рынке в споры с проповедниками мракобесия; споры обострились, Лапину стали угрожать побоями и наступать на него. Он был вооружен, выхватил револьвер, выстрелил в воздух и побежал... Толпа кинулась за ним и изрядно потрепала его.

Это было первое избиение, послужившее началом к другим.

Об этих избиениях я узнал позднее; но в момент, когда вернулся домой, хотя я и считал положение

напряженным, однако, не думал, что оно разрешится так быстро. В то время я жил с братом Александром (сестра уехала учиться в Екатеринбург). Обсудив с ним положение, мы решили после обеда отправиться в народный дом, чтобы присоединиться к товарищам.

Но во время обеда к нам заехала акушерка Н. М. Александрова и сообщила о начавшихся избиениях и о том, что огромная толпа окружила народный дом.

Толпа требовала сдачи осажденных без всяких условий; последние, убедившись, что бороться невозможно, настаивали на гарантиях неприкосновенности.

Н. А. предупредила меня, что мое появление на улице повлечет избиение. Лучше всего уйти из дому, посоветовала она, так как толпа угрожает разгромом квартир наиболее видных руководителей движения.

Н. А. уехала, пообещав информировать нас о событиях. Уже поздно вечером пришел к нам В. А. Чащин, который отсиживался в «*Форте Шаброль*». Он был в ужасном виде: окровавлен, избит и в самом угнетенном настроении духа.

В народном доме были почти все наши активные товарищи; после моего ухода туда же пришел и Д. Н. Добрынин и не успел уйти, т. к. народный дом был вскоре окружен толпой.

В тот момент, когда толпа кинулась за П. Лапиным, М. Горшков с частью дружинников бросился ему на помощь. На толпу появление вооруженных людей произвело известное впечатление, и в первый момент она дрогнула. Но агитаторы-черносотенцы стали разжигать страсти. Говорили, что вооруженные революционеры хотят поджечь дома патриотов и избить православных.

Горшков с товарищами после произведенной им вылазки, бросив несколько ругательств по адресу черносотенцев, вернулся в народный дом. Толпа же следом за ним окружила народный дом.

Обозленная толпа решила сжечь здание народного дома и стала сносить к нему садовые скамейки, доски и разный хлам. Но более благоразумные из толпы, предвидя, что пожар может распространиться и на другие дома, стали убеждать ее не делать этого.

Между осаждавшими и осажденными начались переговоры. Осажденные готовы были выдать оружие, при условии, если им гарантируют неприкосновенность.

Толпа, в присутствии пом. главн. управляющего инженера Широкова и священника из академиков, дала торжественное обещание не производить никаких насилий.

По настоянию Добрынина (М. Горшков был против), осажденные решили сдаться.

И вот один за другим они проходили через огромную толпу, которая слегка расступилась, оставляя узенький проход.

Проходивших не только избивали, но и издевались над ними. Например, кто-нибудь из толпы чертит на земле крест и командует:

— Перекрестись и шагай.

Не перекрестишься—бьют; но не щадили и тех, кто крестился.

Тотчас же толпа ворвалась в народный дом и, торжествуя одержанную «победу», стала ломать дубинками мебель, рвать парики, книги, портреты, при чем впопыхах и по недосмотру заодно порвала и портрет Николая II-го.

В тот же вечер были избиты Коняев, А. Горшков, Рубцов, Г. Будницкий, Калинин и многие другие из тех товарищей, которые отсиживались в народном доме.

М. Горшков, также сильно избитый, как-то спасся: он загримировался в артистической уборной, и ночью толпа, видимо, его не узнала.

Добрынин был опознан и арестован.

Толпа требовала немедленно повесить его, М. Горшкова и меня. Была разочарована, что в руки ее из «тройки» попал один Добрынин и хотела расправиться с ним на месте. Инженеру Васильеву и полиции *) с трудом удалось уговорить толпу отложить расправу до утра, когда будет арестована вся «тройка».

Добрынин держался молодцом, говорить ему не давали; на все угрозы толпы он улыбался, вызывая еще большую ярость. Его отвели в арестный дом.

Несколько товарищей спаслись тем, что не вышли из народного дома и затем смешались с ворвавшейся в нее толпой (например, А. Тягунов).

Бывшего там же М. Р. Чуприкова вздумали обыскивать, но, так как ему не хотелось расстаться с револьвером, он, пользуясь своей большой силой, растолкал толпу и бросился из народного дома через сад к забору.

Несмотря на высокий забор, он ловко перескочил через него. По другую сторону забора на него напали двое здоровенных вальцовщиков, но товарищ Чуприков угостил их таким здоровенным «аргументом», что они были не в состоянии дальше преследовать его.

Затем толпа стала хватать на улице интеллигентов, хотя и не принимавших участия в революционном движении, но заподозренных в сочувствии революционерам. В тот же и на другой день были избиты инженеры Ротман, Ион, Зарудный (брат из-

*) Полиция, бывшая на содержании у заводовладельцев, действовала в данном случае солидарно с заводской администрацией.

вестного адвоката—бывшего министра юстиции при временном правительстве), химик Осецимский, Голубев и др.

Все это мы узнали частью от пришедшего к нам товарища Чащина, частью уже впоследствии от других товарищей.

— Возможно, толпа пойдет искать вас и Горшкова по квартирам,—сказал нам товарищ Чащин,—а может быть, также и других; лучше было бы куда-нибудь скрыться.

Втроем—Чащин, брат и я—мы пошли за околицу (квартира моя находилась на окраине поселка), по шпалам узкоколейки, дошли до леса и свернули с полотна в гущу леса. В темноте натыкались на коряжник, на пни, на кочки...

Мы ушли от людей, но спокойствия не нашли Было мертво в лесу и холодно... Не знаю, как долго мы пробыли там, но в конце концов решили вернуться. Чащин ушел к себе на квартиру, мы с братом к себе.

Не зажигая огня, не раздеваясь, мы легли с братом в кровати, положив револьверы рядом с собой. Условились: если придут громилы—не сдаваться. Попытаемся пройти через дверь на террасу в огород, а если квартиру окружат со всех сторон,—пробиваться с оружием в руках... Спали чутким, тревожным сном.

Рано утром, когда мы только что умылись и пили чай после тревожной ночи, к нам заехал на своей лошади И. В. Петухов.

— Толпа собирается на рынке, чтобы идти разыскивать вас и Горшкова,—сообщил он.—Хотели нагрянуть к вам еще вчера вечером, но кто-то распространил слух, что вас охраняют вооруженные рабочие. Вам надо скрыться.

— А Добрынин?

— Его и несколько других товарищей сегодня ночью отправили экстренным поездом в Богословский завод, чтобы спасти от самосуда. Толпа уже узнала об этом и это ее еще больше озлобило; если она поймает кого-нибудь из вас, то наверняка расправится самосудом.

Оставаться при таких условиях было бессмысленно. И. В. отвез нас (брата, Чащина и меня) на «Седьмой номер»—полустанок на узкоколейке, верстах в двух от Надеждинского завода. Там мы с ним распростились и решили подождать поезда, чтобы на нем уже доехать до Турьинского Рудника.

Через некоторое время подошел паровоз с двумя пассажирскими вагонами, сплошь набитыми людьми... Мы хотели было сесть в один из вагонов, но не успел паровоз остановиться, как по нашему адресу раздались ругательства, угрозы, улюлюкание... Это ехали представители черносотенцев для поимки бежавших революционеров.

Нам ничего не оставалось, как скрыться в лесу. Пешком мы отправились в Турьинские Рудники.

На одном из полустанков я решил поговорить по телефону со знакомыми в Турьинских Рудниках, чтобы навстречу нам выслали лошадь, но довести до конца телефонный разговор не удалось, т. к. обитатели полустанка, видимо, уже знавшие о нашем бегстве, стали окружать меня. Пришлось бросить разговор и с револьвером в руках ретироваться.

Из Турьинских Рудников на лошадях (ехали втроем—Чащин, брат и я—на тройке перекладных земских лошадей) мы добрались до Гороблагодатской, а оттуда по железной дороге до Екатеринбурга.

В Надеждинском заводе разбушевавшаяся толпа не могла успокоиться еще в течение нескольких дней. Часть товарищей, подобно нам, ушла из На-

деждинска пешком, при чем товарищ Коняев, скрываясь в лесу, подморозил себе ноги, но по-счастью не опасно и после лечения поправился.

Часть товарищей, по требованию черносотенцев, была арестована и отправлена поездом в Богословский завод, где их, как безвинно арестованных (как-ни-как, но «конституция» была торжественно об'явлена актом 17-го октября), выпустили на свободу.

И, наконец, часть товарищей и сочувствующих вынуждена была скрываться, дожидаясь, пока «народные страсти» успокоятся. В. И. Петухова за то, что он помог нам скрыться, толпа хотела растерзать, и он вынужден был в течение нескольких дней скрываться, отсиживаясь в каком-то срубе.

Через несколько дней после погрома состоялось собрание черносотенцев, которое постановило выселить революционеров. Был составлен список в числе свыше 40 чел. и для исполнения передан администрации завода.

Администрация во главе с помощником главного управляющего инженером Широковым сейчас же ориентировалась на черносотенцев и выполнила с точностью постановление собрания, удалив «неблагонадежных лиц».

XIV

Надеждинский завод после октября 1905 года.

Прошло известное время, прежде чем в Надеждинске установилось внешнее спокойствие. Казалось, революцию вырвали с корнем, но на самом деле это было не так.

Оставшиеся в Надеждинском заводе ударились в террор: ими при помощи бомб была сожжена лесопилка, убиты два инженера (один из убитых Сципио,

фамилию второго не помню). Но это дв ижение после разгона 2-ой Госуд. Думы беспощадно было подавлено при помощи присланных сюда ингушей.

Однако, революционная работа спустя некоторое время, постепенно вновь стала налаживаться.

Несмотря на репрессии, при выборах в 1-ю Госуд. Думу депутатом прошел наш товарищ И. И. Антонов, который затем был осужден к тюремному заключению за подписание так называемого Выборгского воззвания.

Во 2-ую Госуд. Думу был избран вернувшийся в Надеждинский завод В. А. Чащин.

В 1906—7 г. г. в Надеждинском заводе работали товарищи: Петрович, Михаил, Осип, Марк и другие. Была установлена связь с Богословским и Сосьвинским заводами, с Турьинскими Рудниками и Верхотурьем и избран районный комитет партии в составе т. т. Шебякина, Ив. Лапина, А. Сергеева и других.

В 1907 году Надеждинский завод послал своего представителя на Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. партии. Уже одно то, что кандидат на с'езде А. Тягунов получил при избрании 390 голосов, указывает на быстрый рост организации, состоявшей и в то время в огромном большинстве из большевиков. Так как товарищ Тягунов не мог выехать на с'езд по независящим от него обстоятельствам, делегатом в Лондон ездил А. Е. Сергеев.

XV.

После Надеждинска в Екатеринбурге в 1905 году.

Многие изгнанные и бежавшие из Надеждинского завода первое время, пока постепенно не рассосались по другим городам и весям России, сосредоточились в Екатеринбурге. Здесь были Добрынин,

братья Горшковы, А. Тягунов, Сергеев, Ожиганов, мой брат Александр, некоторые либеральные инженеры, высланные за компанию с нами, и другие.

В Екатеринбурге работа протекала в иных условиях; но это может послужить темой для другого очерка. Упомяну, что в числе других товарищей, работавших в 1905—6 годах в Екатеринбурге, был товарищ «Андрей» (Я. М. Свердлов), т. т. «Иван», Сыромолотов, Чуцкаев, Полузадов, Кулишер, Червонный и др.

С тогдашним кумиром рабочих «тов. Андреем» (Свердловым) мне приходилось встречаться в квартире А. В. Патрикеева, жена которого—Любовь Константиновна—оказывала постоянное гостеприимство партийным товарищам, вечно хлопотала по их делам, обшивала и кормила их. За это в шутку ее называли «партийной мамашей», хотя по возрасту она в мамаши тогда совершенно не подходила.

Андрея тех дней вспоминаю невысоким, худощавым, без усов и бороды молодым человеком, с серьезными вдумчивыми глазами. Он отличался необычайной силы голосом. На митингах ему часто приходилось председательствовать, и в моменты, когда публика начинала кричать и шуметь, «Андрей» покрывал своим громовым голосом шум:

— Товарищи, тише!

И публика затихала. Голос «Андрея» гремел, как иерихонская труба, и это необычайно нравилось демократической аудитории. Мне иногда казалось, что рабочие иной раз намеренно поднимали шум, чтобы лишний раз услышать громовой окрик «Андрея».

Когда «Андрей» произносил речь, он захватывал аудиторию силою своего красноречия, логичностью и простотой изложения, доступной пониманию каждого рабочего.

Здесь же, у Л. К. Патрикеевой, я встречал и других партийцев-профессионалов, например, товарищей «Ивана», «Оскаровну», Назара (Н. Н. Накорякова) и др.

В Екатеринбурге в 1905 году, в «дни свобод» (октябрь, ноябрь и часть декабря), надеждинцам пришлось быть свидетелями жестокой полемики между социал-демократами и социалистами-революционерами. Впрочем, эта полемика велась недолго, т. к. «свобода», вскоре после подавления в Москве декабрьского восстания, была взнуздана, и диспуты прекратились.

XVI.

Заключение.

В заключение скажу несколько слов о судьбе некоторых товарищей.

Мих. Горшкова я раза два встречал в Екатеринбурге; он называл себя анархистом-индивидуалистом. М. Горшков был обвешан оружием—маузером, браунингом и кинжалом... В то время он был правой рукой известного на Урале партизана Лбова и в Екатеринбург приезжал конспиративно, останавливаясь у своей сестры.—Погиб М. Горшков в одной из схваток с солдатами в 1907 г.

Александр Горшков погиб в Пермской тюрьме в 1908 г., где он, по словам некоторых товарищей, подвергался издевательствам и пыткам. По приезде из Надеждинска в Екатеринбург, он вскоре примкнул к максималистам и участвовал в нескольких экспроприациях. По старой памяти А. Горшков нередко заходил ко мне в Екатеринбурге, пока жил там, и рассказывал много любопытного о совершенных им и его товарищами «эксах».

Д. Н. Добрынин играл видную роль на Урале (в Н.-Тагильском заводе) в последнюю революцию, примкнув к большевикам (кончил самоубийством в начале 1918 г.).

В. А. Чащин, как я слышал, с первых дней революции 1917 года, после освобождения с каторги, встал в ряды коммунистов, но о дальнейшей его судьбе я не знаю, как и о судьбе многих других товарищей, работавших в Надеждинском заводе в 1905 году.

Не все из товарищей, работавших в 1905 году в Надеждинском заводе, примкнули к Октябрьской революции 1917 года. Видимо, опыт Надеждинского завода сыграл известную роль в их мировоззрении, приучив к осторожным действиям. Но за те 12 лет, которые прошли с 1904 года до последней революции, не только рабочие, но и крестьяне научились смотреть на многое другими глазами. А двадцатилетие, протекшее с 1905 года по нынешний день, в особенности же война и Октябрьская революция,— произвели такие изменения в понятиях и психологии масс, что при обычных мирных условиях жизни для этого потребовалось бы не менее столетия.

На смену прежних немногих борцов явились тысячи новых. Однако, в дело упорной борьбы на пути к социализму не малая доля была внесена и пионерами рабочего движения, работавшими при царизме в тяжелых условиях и без сочувствия широких масс, ради интересов которых ими велась борьба.

Москва, октябрь 1925 г.

Приложение № 1.

Совершенно секретно.

Его Превосходительству Пермскому губернатору.

Милостивый Государь,
Александр Петрович.

На письмо Вашего Превосходительства от марта с. г. имею честь сообщить: совершенно соглашаясь с высказанными Вами соображениями о необходимости для окружных инженеров держаться с большим тактом по отношению к заводоуправлениям и никоим образом не возбуждать неудовольствия среди рабочих против заводской администрации, я не могу, однако, не обратить внимание Вашего Превосходительства на чрезвычайно затруднительное положение окружного инженера, являющегося по закону защитником интересов рабочих при взаимных сношениях их с фабрикантами и их доверителями, если эти последние позволяют себе нарушать требования закона и причинять рабочему населению существенный материальный ущерб. Между тем, несомненные факты доказывают, что Богословское заводоуправление постоянно систематически не выполняет возложенных на них законом обязанностей, прежде всего оно задерживает правильный расчет рабочих, что продолжается уже целый год. Это ненормальное положение остается и до сих пор, т. к. к 1-му марта было не уплочено рабочим за январь 136.000 р. и за февраль 190.000 р., в том числе по лесничеству 43.000 р. Постоянный недостаток в деньгах побуждает заводоуправление выдавать рабочим особые талоны, с которыми они идут к местным торговцам и забирают товары по весьма повышенным ценам, а нередко, если рабочему нужны наличные деньги, этот же ненужный ему товар принимают в лавку

обратно, но уже по весьма низкой цене. В своих заводских лавках расценка значительно превышает базарные цены,—и тому подобные явления, совершенно противозаконные и крайне убыточные для рабочих.

Естественно, что окружной инженер не имеет права пассивно относиться к этим нарушениям, вынужден пред'являть к заводоуправлению неприятные для него настояния и требования,—результатом чего возникают неприятные со стороны заводоуправления отношения, которые, конечно, весьма неприятны окружному инженеру. Нахожу необходимым прибавить еще, что местное Богословское заводоуправление, опираясь на свое петербургское правление, дающее понять (справедливо или нет), что оно пользуется поддержкой весьма влиятельных лиц, позволяет себе резкий и вызывающий тон в своих официальных сношениях с горной администрацией, несомненным доказательством чего может служить ответное письмо петербургского правления даже мне, когда я весной прошлого года признал необходимым просить его обратить внимание на неисправную уплату рабочим их заработка; вследствие такого неуместного отношения, я счел более целесообразным не обращаться непосредственно к правлению, а необходимые настояния делаю через горный департамент и доношу министру. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного, что местное заводоуправление недовольно окружным инженером и ведет в отношении к нему агрессивную политику, стремясь даже добиться вместо г. Желиговского другого лица, быть может, менее его настойчивого в пред'явлении своих служебных обязанностей.

Лично мне г. Желиговский известен, как человек вполне корректный, и я никогда не слыхал, чтобы он был нетрезвого поведения, поэтому я согласен допустить, что неприятная аттестация его перед Вашим Превосходительством есть не более как небла-

говидная попытка недовольных им лиц набросить на него невыгодную тень.

Высказывая Вашему Превосходительству свои соображения по этому вопросу, я тем самым не премину немедленно преподать г. Желиговскому настоятельный совет озаботиться соблюдением самой строгой корректности и осторожности в своих отношениях с Богословским заводоуправлением.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и совершенной преданности.

П. Боклевский.

16 марта 1904 года.

(Уральский Областной архив, фонд УГУ дело № 12).

Приложение № 2.

В Надеждинском заводе.

19-го октября в Надеждинском заводе был получен манифест о свободе.

Служащие и рабочие собрались отслужить молебен, после которого появились ораторы, говорившие о свободе.

Во время речей поднялись в толпе красные знамена труда.

Огромная толпа двинулась с пением песен свободы по заводским улицам.

Несочувствующие высказывали недовольство и вскоре уже было заметно возбужденное состояние населения против манифестантов, которым грозила некоторая опасность.

Манифестанты разошлись, решив организовать для самозащиты охранную дружину.

Вечером 19-го октября состоялось заседание охранной милиции, на котором присутствовал вызванный из Верхотурья по телеграфу г. Добрынин, сообщивший о массовых беспорядках в Петербурге.

Решено было вооружиться, получив оружие из лавки общества потребителей.

20 числа работы производились почти во всех цехах. Вечером был пущен слух о том, что хотят избивать и дружину, и участвовавших в демонстрации.

21 числа утром дружина, вооруженная для самозащиты и предвидя опасность, затворилась в по-

мещении народного дома-театра. Входы были закрыты и впускались только те, кто хотел вступить в дружину.

В этот же день толпа, под руководством купечества, устроила патриотическую манифестацию; шествие совершалось с национальными флагами, имевшими надпись: «Боже, царя храни». Впереди шел полицейский надзиратель Медведев. Большинство демонстрантов состояло из стариков, старух и подростков.

Прошел слух, что все, кто будет проходить мимо народного дома-театра, будут избиваемы затворившейся там дружиной.

Под давлением этих слухов, толпа густым кольцом окружила здание, вызывала сюда полицию и администрацию завода.

Начались переговоры. Толпа требовала разоружения дружины. Делегаты обещали гарантию безопасности и дали в этом честное слово.

Около четырех часов вечера затворившиеся дружинники приняли условия, выдали оружие и начали выходить по одному. Однако, толпа не сдержала своего слова и началось избиение тех, к кому толпа была особенно неприязненно настроена. Избиты Горшков, Лапин и др.

Нельзя не отметить случая защиты местным священником о. Африканом Богомоловым избиваемого Горшкова; во время этой защиты самоотверженному пастырю, старавшемуся об умиротворении, нанесена была рана в голову.

К вечеру беспорядки усилились: началось поголовное избиение интеллигенции, слышались везде выстрелы, организовалась облава, многие спасались в лес, на рудники, в деревни, лежащие в окрестностях завода.

22 октября утром, ко времени отхода поезда частной Богословской ж. д., на станции собрались служащие завода, чтобы, во избежание больших осложнений, покинуть завод.

Толпа прибыла на станцию, остановила отправку поезда, пошла разыскивать по вагонам причастных к движению и начала снова избивать.

Избиты: г. Зарудный, заведывающий газо-моторным цехом Беляев, конторщик г. Ион, химик завода г. Осецимский, заведующий мартеновским цехом г. Голубев, грузоотправитель завода г. Ротман, заведующий центральным углежжением и многие другие, приблизительно 30 человек.

Полиции удалось остановить зверскую расправу.

Заводская администрация организовала милицию, в которую вошли около 200 человек рабочих, с платой по 2 рубля за восьмичасовой «труд». Цель этой своеобразной милиции была—хватать политиканов, участвовавших в демонстрациях, отдавать их в руки полиции, чтобы затем выселить их из пределов Богословского горного округа, без права возврата. Иначе сказать—остракизм без избиений.

Милиция, имевшая белые повязки, начала свои действия под эгидой полиции. Скоро арестные помещения переполнились арестуемыми, число которых было в первый же день 25 и в остальные дни прибыло еще до 40 чел. Тут были и лица заводской администрации, служащие и рабочие.

Каморки были набиты битком, спать можно было только стоя; огня не давалось, с пищей не допускались,—словом, полная «неприкосновенность личности».

24 октября аресты прекратились. 25 октября состоялось собрание. Администрация завода, стоявшая ранее на стороне демонстрантов, благоразумно решила перейти во враждебный лагерь. Собранием бы-

ло постановлено удалить весь «нежелательный элемент» из завода, дав удаляемым на это срок в три дня. Заводы выдавали выселяемым служащим—жалованье за два месяца вперед, рабочим—заработную плату за две недели. «Под'емных» выдавалось 25 р., семейным и 12 р. 50 коп. одиноким. Выселено около 80 человек.

Говорить что нибудь о законности действий администрации и полиции—едва ли удобно. Было положительное беззаконие.

В. Беляев.

(Газета «Урал» № 2436 от 5 ноября 1905 г.)

Приложение № 3.

Секретно.

Министерство Внутренних Дел

ПЕРМСКИЙ ГУБЕРНАТОР

По канцелярии.

8 ноября 1905 г.

№ 431.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему Полицией.

В дополнение телеграфных сообщений о беспорядках в Надеждинском заводе, Богословского горного округа, представляю Вашему Превосходительству подробные сведения о них, а также и о событиях, происшедших в Нижне-Тагильском заводе.

Первое известие о манифесте получено было в Богословском округе 18 октября вечером, быстро распространилось повсюду и вызвало сходку в народном доме Надеждинского завода, на коей решено было—событие это на завтра отпраздновать особым образом: прекратить на этот день работы, устроить шествие с флагами и отслужить молебен, а затем панихиду по погибшим в борьбе за свободу.

Резолюция. Ужасно жаль, что таким настроением не воспользовались, чтобы ликвидировать революцию.

Утром 19 октября, большая толпа народа, приблизительно около двух тысяч собралась около на-

родного дома, где поднят был вопрос, где служить молебен, в церкви, или же у народного дома. Многие не верили полученным известиям, предполагали, что тут обман и высказывали, что если это правда, то следует поблагодарить бога у церкви, а никак не у народного дома. По предложению директора завода Васильева, решено было итти к церкви, куда толпа и направилась,—на месте осталась небольшая кучка местных революционеров. По окончании молебствия, народ пошел с крестным ходом к народному дому, где отслужена панихида по погибшим борцам за свободу. Во время служения панихиды некоторые из революционерствующих позволили себе оскорбить религиозные чувства православных: одни из них стояли в шапках, другие курили, мастер Данилов хлопал в ладоши, фельдшер Мурашев сказал: «скоро ли уберут золоченые идолы», подразумевая под этим, как поняли все присутствующие, св. иконы, принесенные с крестным ходом. По окончании крестного хода были выкинуты два флага, красный с надписью: «Память погибшим борцам за свободу». Толпа, с пением марсельезы и других революционных песен, пошла по главной улице мимо завода и квартир администрации; у всех почти демонстрантов были на груди приколоты красные розетки. На перекрестках улиц толпа останавливалась, говорили речи, пели вечную память по погибшим. У дома лаборатории с красного флага была сорвана полоса и там оказалась добавочная надпись: «Долой монархию». Возвратившись к народному дому, где опять произносились речи, было решено в 8 часов вечера собраться в народном доме для беседы о выборах в Государственную Думу. После чего толпа разошлась. Вечером сходка в народном доме была, однако, небольшая и продолжалась недолго.

Весь день 19 октября для безопасности винные лавки были закрыты.

20-го октября население Надеждинского завода, сильно взволнованное бывшей накануне манифестацией революционной группы и возмущенное, главным образом, их вызывающим поведением, оскорблением религиозного и патриотического чувств, угрозой не допускать вывешивания национальных флагов в предстоящий на завтра царский день, — решило устроить контр-манифестацию.

21-го октября на рыночной площади на здании народного дома и некоторых частных домах были вывешены национальные флаги. Народ, видя это, спокойно стал собираться к церкви. По окончании божественной литургии, из церкви вышел крестный ход на рыночную площадь, где и отслужен молебен, после которого толпа народа более 1000 человек, имея во главе национальный русский флаг с надписью: «боже, царя храни», направилась по улицам завода с пением молитвы: «Спаси, господи, люди твоя», национального гимна и с криками «ура». По пути следования толпа все увеличивалась встречным и выходившим из домов народом и вскоре возросла до 2000 или даже более человек. Дойдя до народного дома, толпа с удивлением увидала, что национальные флаги уже сняты (как оказалось, по распоряжению инженера Зарудного), и тогда она потребовала поднятия вновь флагов, но при исполнении сего,—была ли то случайность, или же это сделано умышленно,—некоторые флаги оказались висевшими в обратном положении — красной полосой кверху. Все это было исправлено народом. Возвратившись обратно на рыночную площадь, стали расходиться.

За манифестацией наблюдала кучка революционеров человек 50 из народного дома, куда они укрылись, боясь мести за произнесение 19-го октября речей на тему о низвержении монархии и угроз изорвать национальные флаги, если кто таковые вывесит 21 числа. Было около 3-х часов дня, как

на рынке кто-то позволил себе непочтительно выразиться про особу государя, и народ бросился за этим человеком, намереваясь его избить. Видя это, все, бывшие на террасе народного дома, перескочили чрез садовую загородку и с оружием в руках бросились выручать убегавшего от толпы товарища. Народ сначала отступил и революционеры всей группой стали возвращаться в народный дом, при чем один из них, некто Горшков старший, крикнул толпе: «А, вы наших бить! Всех вас перевешать за это!». Толпа, возмущенная, кинулась тогда к народному дому, чтобы бить революционеров, там затворившихся. Появились разные толки, что у революционеров имеется большое количество оружия и взрывчатых материалов, и послышались предложения перебить их, сжечь вместе с домом. Явившемуся сюда местному полицейскому надзирателю с несколькими другими лицами после долгих усилий довелось уговорить ту и другую сторону не доводить вражды до кровопролития. Затворившимся предложено было отдать оружие полиции, что те исполнили и ушли спокойно домой, кроме помянутого Горшкова старшего, который, отдав револьвер, спрятал кинжал, за что был сильно избит, но имел возможность бежать и спрятаться в одном из обывательских домов.

Помещение народного дома было занято затем особо выбранными людьми, коими вместе с полицией произведен осмотр его и найдено 3 ружья. 15 револьверов, 12 кинжалов и ножей, каковые и конфискованы.

С раннего утра 22 октября к народному дому стал собираться народ, повидимому из любопытства, узнать подробности вечера 21 октября. К 8 часам толпа достигла более тысячи человек. Разбившись на группы, собравшиеся обсуждали откуда-то появившиеся слухи, что там-то спрятано оружие революционеров, там-то имеется запас взрывчатых ве-

ществ, такие-то скрылись там-то и угрожали местью. Народ сильно волновался, боясь нападения. Чины полиции при помощи лиц, пользующихся особым доверием населения, насколько могли, старались рассеять неосновательные толки. Толпа, узнав, что многие лица, с целью скрыться, бежали из завода по полотну железной дороги, решила было отрядить из себя большую часть преследовать их, но местный пристав уговорил не делать этого. По его предложению, отправился в погоню на экстренном поезде полицейский надзиратель, сопровождаемый партией в 50 человек, отобранных из народа, но догнать уже не мог, так как бежавшие спрятались в лесу, кроме одного из них, который был задержан и без всяких насилий со стороны народа доставлен в завод.

По всей вероятности, толпа, поволновавшись, разошлась бы по домам, если бы не появились среди народа лица, принадлежащие к партии революционеров. Один из них, будучи задержан толпой, вздумал защищаться кинжалом, которым причинил рану в руку одному из задержавших его, за что толпа начала его сильно бить, но по окрику вскоре появившегося пристава приостановилась, и пристав передал избиваемого городовым для отправки в арестантскую. Вслед за сим был пойман еще один революционер, но он также был вырван полицией из толпы. Видя, что дело принимает очень опасный оборот, пристав послал за директором завода и помощником главноуправляющего, кои по прибытии начали уговаривать толпу успокоиться, но сделать это было довольно трудно, так как толпа разбилась на отдельные группы и стала уже сама искать революционеров. В отходившем в это время поезде было найдено ею двое и избиты, в заводской ограде избиты инженеры Зарудный и Ион, последний по ошибке, будучи принят за другое лицо. Всех избитых оказалось 8

человек. Так как избиение происходило на небольшом сравнительно пространстве и народ поддавался влиянию директора завода, помощника главноуправляющего и полиции, то потерпевшие отделались сравнительно легко. К 12 часам дня толпа несколько успокоилась, чины полиции заручились словом, что никто больше избит не будет, и народ сдержал слово—более побоев никому не учинялось.

К вечеру толпы стали редеть и к 7 часам было совершенно тихо. Совместно с заводской администрацией были выбраны особые караульные для окарауливания завода от нападения кучки революционеров. Это сделано было по просьбе жителей, все еще боявшихся внезапного вооруженного нападения революционеров, хотя последние почти все разбежались, а если которые и остались, то, запрятавшись, ничем не проявляли себя. В 11 часов ночи на 23 октября до сведения полиции дошло, что в доме Оверина собралось 6 человек революционеров, которые, боясь мести и видя, что спастись нет возможности, решили защищаться с оружием, во что бы то ни стало. Явившийся сюда пристав, во избежание резни, уговорил их бросить это намерение.

В 3 часа утра 23 октября все задержанные при арестантской в числе 19 человек были отправлены, во избежание насилий над ними, на поезде в Турьинские Рудники и Богословск. Казалось, что поводов к волнениям больше нет. Утро 23 октября началось тихо. Были осмотрены помещения лавок общества потребителей, по требованию населения, указывавшего там склады оружия, и действительно найдено порядочное количество револьверных патронов и 7 револьверов, которые и из'яты из продажи. В этот день открылись магазины и началась правильная жизнь завода. Но во втором часу дня неожиданно стал собираться народ к квартире полицейского надзирателя. В собравшейся громадной (до

2000 человек) толпе передавались, со слов кондукторов железной дороги, рассказы, что отправленные утром с поездом 19 человек отпущены на свободу и разбрелись повсюду. Толпа взволновалась. Явившийся к ней пристав и представители заводской администрации старались об'яснить, что освобождение тех лиц из под стражи было необходимо, так как арест их был незаконным, но убеждение не действовало, толпа пришла в ярость, слышались слова: «братцы, измена», «обманщики вы, сами такие-же революционеры». Дошло до того, что толпа готова была кинуться на полицию и послать из своей среды человек пятьсот, а если понадобится, то и более, задержать отпущенных. Предвидя, что подобная выходка наведет панику на Богословск и Турьинские Рудники, возбудит народ и там, так как действиями демонстрировавших революционеров и там были недовольны, местный пристав решился на последнее средство: задержать уехавших ради спасения их же. Встав на стул, он об'явил народу, что всех, кого он отправил, в течение суток арестует— при условии, если в это дело не будет вмешиваться народ, и что берет с собой 25 человек выборных от народа, которые убедятся в справедливости обещанного. Это успокоило толпу. После чего пристав в сопровождении выборных от народа выехал в Богословск и Турьинские Рудники. Узнав по телефону случившееся в Надеждинске, уехавшие утром сами явились к приставу, по прибытии его в Богословск, и просили принять меры к охране их, хотя бы путем ареста их при волостном правлении. Пристав на этом основании поместил 11 человек при арестантской Богословского волостного правления, 6 при Турьинском. Убедившись, что революционеры арестованы, прибывшие с приставом возвратились в Надеждинский завод и рассказали об этом народу, что произвело хорошее впечатление и успокоение. Недо-

вольство на администрацию утихло и возвратилось прежнее доверие. Надеясь, что виновные в возбуждении толпы противозаконными поступками будут переданы в руки правосудия и понесут заслуженное ими наказание, население Надеждинского завода просило арестовать еще 34 человека и передать их в руки суда, не отпуская на свободу, под угрозой самовольной с ними расправы. В виду таких обстоятельств, полиция и представители заводской администрации предложили указанным толпою лицам укрыться от произвола толпы за охраной полиции. Те на это согласились и помещены первоначально были в арестантские, а потом в приспособленный для того дом, утром 29 октября. Это еще более успокоило население.

Уралоблит № 5726. Тираж 3000 экз.

Свердловск, тип. «Гранит». Акц. О-ва Уралкнига Заказ. №967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

I. Надеждинский завод и его население 3
II. Мои первые знакомства 6
III. Начало политической работы 8
IV. Товарищи и «сочувствующие» 10
V. Японская война, 9 января и рабочие 15
VI. Вторичный арест Д. Н. Добрынина 17
VII. Организация совета рабочих депутатов 20
VIII. Работа совета рабочих депутатов 21
IX. Авторитет совета рабочих депутатов 24
X. Нарушение единого фронта 26
XI. Товарищ из центра 30
XII. Октябрьская конституция 34
XIII. П о г р о м 37
XIV. Надеждинский завод после октября 1905 г. . . . 45
XV. После Надеждинска в Екатеринбурге 46
XVI. Заключение 51
Примечания 51

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА

СВЕРДЛОВСК, УЛИЦА ВАЙНЕРА, 12.

НОВИНКА!

В. М. БЫКОВ

Последние дни Романовых.

Н. В. КРАСНОВ

АЛАПАИХА

(1905 год в Алапаевском заводе).

Ц. 50 к.

Печатается:

УРАЛ.

Очерки физической и экономической географии Урала.

Составитель Б. ТРЕТЬЯКОВА.

Для деревенского театра.

НОВИНКА!

М. КРИНИЦКИЙ

Никитка приехал.

(Пьеса в одном акте).

Цена 10 коп.

НОВИНКА!

Н. ЛЕЩИНСКИЙ

МОТОВИЛИХА.

(5-й год на Мотовилихинском заводе).

Очерк.

Печатается и выйдет в январе с. г.

Литературно-художественный сборник

Труд и борьба

ОТДЕЛЫ: I—Труд, II—Октябрьская революция, III—1905 год, IV—Русское крестьянство и пролетариат перед революцией 1905 года, V—За рубежом.

Издание второе, переработанное и дополненное.

Стр. 520.

Цена 2 руб. 50 коп.

Э. ЗОЛЯ

УГЛЕКОПЫ.

Роман.

Цена 1 руб. 75 коп.

НОВИНКА!

П. БАЖОВ

ЗА СОВЕТСКУ ПРАВДУ.

(Из жизни Урмана).

Цена 25 коп.

Детский театр.

Печатается:

ВИТТЕ:

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА.

(Пьеса в 6 действиях).

◆

Бор-РАМЕНСКИЙ:

Коля и Колька

(Пьеса в 2 действ.).

Деревенские рассказы.

Вышли из печати:

А. МАЛЬШАКОВ:

Председательша.

Ц. 10 к.

А. ВОЛЕЦКИЙ:

СПОДОБИЛСЯ.

Ц. 7 к.

АЛЬПИН:

Как с Никитою Федот ездил в город на завод.

Ц. 15 к.

НОВИНКА!

К расчету.

(1905 год в Сысертском заводе).

НОВИНКА!

ЗЛАТОУСТ.

(Очерк движения Златоустовских рабочих с 1896 по 1905 г.).

Цена 30 коп.

Н.Ч. 10 коп.
СИНХ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
г. Свердловск, улица Вайнера № 12,
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ
Ильинка, 4, помещен. 29.